

**РОМАН Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ» КАК ЭПИЧЕСКИЙ:
АВТОРСКИЙ ПОДХОД К ИЗОБРАЖЕНИЮ ФАКТОВ СОВРЕМЕННОСТИ И ИХ ОЦЕНКА**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-012-00102*

В статье роман Л.Н. Толстого «Воскресение» рассматривается как эпический. К его специфическим особенностям отнесены: основополагающее значение общего, народного в ценностной системе произведения, а также энциклопедический охват русской жизни конца XIX в. Исходной для рассмотрения материала стала постановка проблемного вопроса о неизбежности противоречия между объективным воссозданием современности и повышенным субъективизмом позднего Толстого, творчество которого отличал возросший этический пафос. В статье утверждается, что «снятие» противоречия происходит благодаря характеру подхода романиста к изображению фактов современности. Этот подход предполагает масштабность обобщений, соотнесение фактов современной жизни с жизнью народа, их погружение в объемный историко-культурный контекст, в том числе историко-литературный. Подчеркнуто субъективное авторское освещение петербургской жизни парадоксальным образом становится залогом изображения объективной картины. Это обусловлено тем, что автор, описывающий и оценивающий процессы современной жизни с позиций сущего и «должного», опирается на народный «взгляд на вещи». В целом освещение и оценка тенденций развития современного российского общества даны в романе «Воскресение» в эпической перспективе.

Ключевые слова: эпический роман, эпическая картина мира, индивидуалистическое сознание, народная точка зрения, научный дискурс, петербургский дискурс, прецедентный факт, реальный комментарий, автор, тенденциозность.

Информация об авторе: Михновец Надежда Геннадьевна, ORCID 0000-0002-0674-1964, доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: mikhnovets@yandex.ru

Дата поступления статьи: 21.03.2020.

Для цитирования: Михновец Н.Г. Роман Л.Н. Толстого как эпический: авторский подход к изображению фактов современности и их оценка // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 132–138. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-132-138.

Nadezhda G. Mikhnovets

Herzen Russian State Pedagogic University, St. Petersburg

**THE NOVEL «RESURRECTION» BY LEO TOLSTOY AS AN EPIC – THE AUTHOR'S APPROACH
TO THE IMAGE OF FACTS OF CONTEMPORANEITY AND THEIR APPRAISAL**

*The reported study was funded by RFBR,
project number 20-012-00102*

The novel «Resurrection» by Leo Tolstoy It is regarded as an epic one in the article. What is attributed to its specific features, includes – the fundamental importance of the common, folkish in the value system of the book, as well as the encyclopedic coverage of the late 19th century Russian life. What became the starting point for considering the material, is raising the problematic question of the inevitable contradiction between the objective re-creation of contemporaneity and the heightened subjectivity of Leo Tolstoy's late creative work, which the increased ethical pathos is characteristic of. The article argues that the «removal» of the contradiction is due to the nature of the novelist's approach to depicting the facts of contemporaneity. This approach implies the scale of generalisations, the correlation of the facts of contemporary life with folkish life, immersion of the facts in a voluminous historical and cultural context, including the historical and literary one. It is stressed that the author's subjective coverage of St. Petersburg life paradoxically becomes a handwriting of the image of an objective picture. This is due to the fact that the author, who describes and evaluates the processes of contemporary life from the point of view of substantial and «due», relies on the folkish «view of things». In general, the coverage and assessment of trends in the development of contemporary Russian society are given in the novel «Resurrection» in an epic perspective.

Keywords: epic novel, epic worldview, individualist consciousness, folkish point of view, scientific discourse, St. Petersburg discourse, case law fact, real commentary, author, tendentiousness.

Information about the author: Nadezhda G. Mikhnovets, ORCID 0000-0002-0674-1964, Doctor of Philological Sciences, Professor, Herzen Russian State Pedagogic University, Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: mikhnovets@yandex.ru

Article received: March 21, 2020.

For citation: Mikhnovets N.G. The novel «Resurrection» by Leo Tolstoy as an epic – the author's approach to the image of facts of contemporaneity and their appraisal. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 132–138 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-132-138.

В конце 1889 г. Толстой, как известно, начал работать над новым романом «Воскресение», затем не раз откладывал его, а после длительных перерывов вновь возвращался к своему сочинению. Первоначально романист был сосредоточен на истории «духовного рождения» главного героя. Однако написанное не удовлетворило писателя, он понял главное: еще не найден «центр тяжести» [Толстой 53: 62]. В дневниковой записи от 5 ноября 1895 г. Толстой зафиксировал решительный перелом в ходе создания романа: «Сейчас ходил гулять и ясно понял, отчего у меня не идет “Воскресение”. Ложно начато. Я понял это, обдумывая рассказ о детях – “Кто прав?”; я понял, что надо начать с жизни крестьян, что они предмет, они положительное, а то тень, то отрицательное. И то же понял и о “Воскресении”. Надо начать с нее» [Толстой 53: 69]. Кроме того, для автора романа становилось очевидным, что сама история духовного воскресения Нехлюдова и Катюши Масловой – только составная часть куда более широкого явления: процесса изменения и обновления всей русской жизни. В целом же был найден «центр тяжести» нового произведения: отдельное, индивидуальное представало как включенное в общее, народное. Именно это определило эпическую природу романа «Воскресение».

Писатель встал перед необходимостью поведать о России больше изначально предполагаемого. В одном из писем Толстой не без удивления отметил в связи с работой над романом: «Я сам не ожидал, как много можно сказать в нем о грехе и бессмыслице суда, казней» [Толстой 71: 457]. Романист шаг за шагом кропотливо исследовал жизнь Российской империи. Известный толстовед К.Н. Ломунов обстоятельно описал работу Толстого, ознакомившегося с многочисленными источниками, а также исходившего из личного опыта [Ломунов: 107–125]. Писатель неустанно встречался и беседовал со многими людьми из самых разных сфер российской жизни. Ему были интересны решительно все: тюремные надзиратели, начальники тюрем, адвокаты, сектанты, революционеры, прибывший из Сибири американский журналист Дж. Кеннан, родственники потерпевших. Беседы с ними давали неоценимое знание: от конкретики тюремного быта до подробностей заседаний в Сенате, от положения политических заключенных-женщин на карийской каторге до особенностей поведения всесильного К.П. Победоносцева во время аудиенции и по ее завершении. По всестороннему и глубокому охвату российской жизни последней четверти XIX столетия роман «Воскресение» энциклопедичен в самом точном смысле этого слова. Это эпически «просторное» произведение.

Вместе с тем необходимо обозначить проблему, связанную с авторской позицией в этом романе. Начнем с того, что в произведениях Толстого 1880–

1890-х гг., в сравнении с его художественным творчеством предшествующих десятилетий, резко усиливается этический пафос. Автор отстаивает свое миропонимание, указывая своим героям и читателям на «должные», с его точки зрения, истины, своими художественными и публицистическими произведениями стремится вмешаться в «мирскую» жизнь современников, совладать с нею. В таком случае, казалось бы, в позднем толстовском творчестве самым активным образом начинает проявляться авторский субъективизм. С одной стороны, нельзя не признать наличие этой тенденции в произведениях писателя 1880–1890-х гг., с другой стороны, необходимо выяснить, в силу каких причин российская действительность, тем не менее, получает в романе «Воскресение» возможность для своего объективного выражения.

Роман «Воскресение» вырос из текущей действительности; обратимся к его материалу и попытаемся выявить особенности, во-первых, подхода романиста к изображению фактов современности в их сущностном значении, а, во-вторых, их оценки.

Начнем с научного дискурса. В Европе и в России второй половины XIX в. изменился статус науки, роль естественнонаучного знания возрастала. Примечательно, что это сопровождалось экстраполяцией результатов научных открытий на сферу общественной жизни. К примеру, эволюционное учение Ч. Дарвина стремительно завоевывало не столько научный мир (теорию как пропагандировали, так и оспаривали ученые), сколько умы современников, зачастую весьма далекие от дебатов в сфере естествознания. Открытие Дарвина без промедления было распространено современниками на основополагающие представления о человеке, о смысле его жизни, что заключало в себе потенциал их коренного пересмотра современниками [Михновец 2010а].

Автор «Воскресения» наряду с фиксацией самого историко-культурного факта, свидетельствующего о существенном изменении места и роли естественнонаучного знания в современной России, в первую очередь указывает на знаменательные особенности в его усвоении социумом. Так, в сферу общения представителей образованного общества конца XIX в. входит набор знаковых имен, «расхожих» высказываний и «готовых» представлений. В частности, этот свод неизменно включал в себя понятия и положения, относящиеся к дарвинскому учению («наследственность», «эволюция», «борьба за существование» и др.).

В романе «Воскресение» о выступлении товарища прокурора на суде сказано: «В его речи было всё самое последнее, что было тогда в ходу в его круге и что принималось тогда и принимается еще и теперь за последнее слово научной мудрости. Тут была и наследственность, и прирожденная

преступность, и Ломброзо, и Тард, и эволюция, и борьба за существование, и гипнотизм, и внушение, и Шарко, и декадентство» [Толстой 32: 72]. В повествование о бывшем министре графе Чарском, которого «вытеснили» со службы «по закону борьбы за существование, точно такие же, как и он, научившиеся писать и понимать бумаги, представительные и беспринципные чиновники» [Толстой 32: 252], автор романа ввел «ходячую» точку зрения большинства. Читателю очевидно, что свод «готовых» представлений лег в основу понимания смысла жизни петербургскими сановниками и чиновниками Москвы, стал для них искомым руководством в осмыслении современности.

Однако Толстого интересуют глубинные причины таких явлений современной общественной жизни как психология большинства («круг» своих, «такие же») и мода. Сам историко-культурный факт поспешной готовности перенести выводы новейших научных открытий на сферу общественной жизни был обусловлен, по его мнению, стремлением главенствующей части современного российского общества оправдать свой господский образ жизни и защититься от сущностных вопросов человеческого бытия.

В трактате «Что такое искусство?» (1897–1898) в связи с теорией Мальтуса и выросшим на ее основе дарвинским учением Толстой писал: «Если теория оправдывает то ложное положение, в котором находится известная часть общества, то, как бы ни была неосновательна теория и даже очевидно ложна, она воспринимается и становится *верою* этой части общества» (курсив мой. – *Н. М.*) [Толстой 30: 77]. Толстой, указавший на феномен обретения научной теорией высокого статуса «веры», по существу выявил новую особенность в душевном состоянии представителей господской части общества, оторванной от общенародной жизни: присутствие в ее жизни некой тревоги экзистенциального свойства в связи с отсутствием уверенности в правомерности своего исключительного положения в социуме, а также с незнанием, в чем заключается смысл жизни. В драматичной по своему существу ситуации у этой части общества исподволь нарастает желание чем-либо защититься, в том числе – сферой модных имен и ходячих формул.

Еще в черновиках повести «Смерть Ивана Ильича» (1886) было отмечено: главный герой заявляет, что лишен страха смерти, потому что у него с юности есть опора – научные труды Бюхнера и Молешота [Толстой 26: 524]. В окончательном тексте произведения рассказ о жизни Ивана Ильича имеет весьма выразительный зачин: «Прошедшая история жизни Ивана Ильича была самая простая и самая ужасная» [Толстой 26: 68]. Умиравший всматривается в порядок жизни как собственной, так и людей своего круга, пытаясь найти прочное духовное основание в ситуации неотвратимой

смерти, но не достигает искомого: опыт его взрослой (за пределами детства), чиновничьей жизни шаг за шагом предстает как неубедительный. «Смерть Ивана Ильича» – первое в русской литературе произведение о кризисе индивидуалистического сознания.

В начале 1880-х гг. философ Вл. Соловьев написал, что человек двух последних десятилетий окончательно и безболезненно поставил «вместо Божьего и всемирного ... свое, отдельное». Обособление от «Божьего и всемирного», по всей видимости, и есть последняя, «высшая» ступень в выделении личного из «общего». В связи с этим Вл. Соловьев указал на заявивший себя парадокс: современный человек, отделившийся от «Божьего и всемирного», «хотя бы для того, чтобы иметь мир с самим собою ... нуждается в какой-нибудь опоре кроме самого себя» [Соловьев: 251, 279]. Философ обозначил и заострил проблему духовной основы для современного человека, обособившегося от «Божьего и всемирного».

В повести «Смерть Ивана Ильича» в качестве положительного в опыте земной жизни главного героя предстают: память о поре детства, его предсмертный порыв пожалеть близких, а также общение с простым мужиком Герасимом. Этот ценностный багаж и позволил Ивану Ильичу в конечном итоге обрести духовное основание. В книге «О жизни» Толстой писал, что «единственное дело жизни» человека – есть «установление нового отношения к миру, увеличение любви» [Толстой 26: 410]. В финале повести Иван Ильич пришел к пониманию этого и преодолел ужас смерти как абсолютного уничтожения: «Кончена смерть, – сказал он себе. – Ее нет больше» [Толстой 26: 113]. Согласно позднему Толстому, прожитая жизнь Ивана Ильича была смертью, а только теперь он проснулся в жизнь вечную.

В романе «Воскресение» чиновники и господа проживают, как когда-то Иван Ильич, свою «простую жизнь», но она одновременно – и «ужасная», потому что исподволь исполнена, повторим, желанием *оправдать* свой господский образ жизни и оградить себя от сущностных вопросов. Безусловно, степень проявления таких реакций у каждого из этих героев романа различна, и она напрямую соотносится романистом с мерой их отдаленности от «живой жизни». В петербургские страницы романа, к примеру, вкратце вписана история жизни Селенина – от юности ко времени достижения им высокого положения в государственной структуре. Нехлюдов, приехавший в столицу, встретил своего лучшего друга студенческого времени, у которого, как отмечено в повествовании, «были грустные глаза». Когда же Нехлюдов доверительно поспешил высказать своему бывшему приятелю свои новые взгляды, тот не принял приглашение к диалогу. На один из проблемных вопросов, побуждающих

к раздумьям и, возможно, к коренному пересмотру устоявшихся в обществе представлений, Селенин ответил однозначно, «прямо и мертво глядя в глаза Нехлюдову» (курсив мой. – Н. М.) [Толстой 32: 279]. Добавим, что в «Воскресении» в содержательном отношении темы увлечений светского общества наукой, спиритизмом, редстокизмом имеют общее основание.

Народная же жизнь была свободна от научных «наваждений» (этим словом Толстой определял многочисленные современные увлечения образованной части господского общества [Толстой 35: 262]). В «Воскресении» читаем об одном из крестьянин: «В религиозном отношении он был также типичным крестьянином: никогда не думал о метафизических вопросах, о начале всех начал, о загробной жизни. Бог был для него, как и для Араго, гипотезой, в которой он до сих пор не встречал надобности. Ему никакого дела не было до того, каким образом начался мир, по Моисею или Дарвину, и дарвинизм, который так казался важен его сотоварищам, для него был такой же игрушкой мысли, как и творение в 6 дней» [Толстой 32: 393]. Стадной общности чиновников, успокаивающихся модными знаниями и «ходячими» рассуждениями, противопоставлен типичный крестьянин. Он мыслит столь же самостоятельно, как и французский физик Д.Ф. Араго (1786–1853), при этом совершенно безучастен к метафизическим вопросам и к ветхозаветному Богу.

Рассмотрение научного дискурса в романе «Воскресение» позволяет заключить: освещение тенденций развития современного российского общества дано в эпической перспективе. Это обусловлено особенностями толстовского подхода к изображению. Во-первых, исходным для постижения автором причин и содержания историко-культурного факта становится установление в жизни людей господского круга характера соотношения общего, народного – и отдельного, индивидуалистического. Во-вторых, Толстой вписывает особенности понимания жизни как со стороны господ и чиновников, так и отдельного крестьянина в широкий историко-культурный контекст: от ветхозаветных времен до открытий европейских ученых Д.Ф. Араго и Ч. Дарвина, до общественных событий конца XIX столетия. Это предопределило масштабность в обобщении романистом изображенных фактов текущей действительности. В-третьих, изображаемое соотносено автором, согласно с гомеровской традицией, с основополагающими для человеческого бытия темами: жизни и смерти; труда. В научном дискурсе романа противопоставлены: государственная служба чиновников – земледельческому труду крестьян; напряженный поиск веры и ее иллюзорный характер у одних – твердым, многовековым убеждениям других в вопросах о смысле жизни и смер-

ти. В факте всеобщего увлечения новейшими научными открытиями романист увидел глубокий мировоззренческий кризис господствующей части современного российского общества, еще при ее жизни оборачивающийся духовной смертью.

Продолжая рассматривать особенности подхода романиста к изображаемым фактам действительности и установления им их сущностного значения, обратимся к историко-литературному контексту. В него, как известно, входит высоко ценящая Толстым книга «Записки из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского. Обратим внимание на то, что из этого произведения Толстой хотел закрепить в нашей культурной памяти своим последним романом.

В книге Достоевского отмечен эпизод, когда случайный прохожий подает милостыню арестанту. Заключенный принял «подавание» в пять копеек. «Мещанин перекрестился и пошел своею дорогой. Эти пять копеек в то же утро проели на калачах, разделив их на всю нашу партию поровну» [Достоевский: 70]. В начале романа Толстого «Воскресение» есть весенняя московская сцена с арестанткой Катериной Масловой, которую солдаты ведут по Москве. Горожане: извозчики, лавочники, кухарки, рабочие, чиновники «останавливались и с любопытством оглядывали арестантку», кто-то поспешил осудить ее. «Дети с ужасом смотрели на разбойницу, успокаиваясь только тем, что за ней идут солдаты, и она теперь ничего уже не сделает. Один деревенский мужик, продавший уголь и напившийся чаю в трактире, подошел к ней, перекрестился и подал ей копейку. Арестантка покраснела, наклонила голову и что-то проговорила» [Толстой 32: 6].

Спустя двадцать лет эта романная сцена отчасти повторилась в реальной жизни: в книге мемуаров А.Л. Толстой «Дочь» предстала весенняя Москва 1920-го г., и по ее улицам солдаты вели уже не проститутку Маслову, а дочь самого романиста. На шествие арестанток горожане вновь реагировали по-разному: извозчики сторонились, давая дорогу, прохожие из интеллигентов «смотрели с сочувствием, иные попроще – со злобой», кто-то из них выкрикнул оскорбительные слова. И, тем не менее, один «низенький приземистый человек», из нынешних «политических», уже посидевших в новоявленной советской тюрьме, вдруг бросился к женщинам со словами сочувствия и ободрения и протянул то единственное, что у него с собой было – огурчики. «Спасибо на добром слове, спасибо! – кричали мы ему вслед» [Толстая: 131], – вспоминала А.Л. Толстая.

Все три сцены свидетельствуют о спонтанном, «здесь и сейчас» проявленном христианском милосердии. Этой прецедентной цепочкой сцен подтверждается точность когда-то выделенной Достоевским черты русского народа. Толстой поддержал своего предшественника в этом представлении,

а Александра Толстая ненамеренно подтвердила собственным опытом.

Московская сцена романа «Воскресение», напоминающая о такой же сцене в «Записках из Мертвого дома», получает свою содержательную глубину и ценность через приобщение к коренным особенностям народного видения жизни. Эта сцена из «Воскресения», – с одной стороны, неотъемлемая часть в изображении Москвы последнего десятилетия XIX столетия, а с другой, – вневременная. Она словно изымается из текущего дня и вписывается в сферу непрерываемого и неколебимого в многовековой истории России.

Перейдем к петербургскому дискурсу, отмечая особенности мотивно-тематического и повествовательного планов петербургских страниц романа, акцентируя внимание на специфическом проявлении авторской оценочной позиции. Если общенародное понимается романистом как «положительное» и как «живая жизнь», то государственное, символическое средоточие которого представляет собою столичный Петербург, являет в романе противоположное начало: отрицательное, теневое, лишённое «живой жизни».

Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, петербургские страницы характеризуются разноаспектной и достоверной фактографией (это уже стало предметом для реального комментария [Михновец 20106]), а с другой стороны, отличаются субъективным, зачастую подчеркнuto тенденциозным характером изображения романистом реалий города (напомним, что в структуре повествования точки зрения повествователя и героя сближены; сказанное не относится только к театральной сцене, в которой Нехлюдов на какое-то время поддается искушению, общаясь с Mariette).

Приведем показательные примеры изображения в «Воскресении» столицы России как исключительно прекрасного и чистого города. Первоначально составим реальный комментарий к зачину одного «петербургского» описания повествователем: «Прекрасный, чистый, учтивый извозчик...» [Толстой 32: 254]. Известно, что в конце XIX в. состоятельные петербуржцы не пользовались общественным транспортом (например, конно-железнодорожной), предпочитая индивидуальный. Извозчики того времени «должны были иметь столичный вид: лошадь “годная”, одежда – по форме: синий кафтан, низенький цилиндр с пряжкой спереди. Сбруя должна быть ременная, экипаж-пролетка – приличный, с подъемным верхом от дождя, с кожаным фартуком для ног седоков» [Засосов, Пызин: 49]. Специальная комиссия осуществляла осмотр лошади, экипажа и извозчика. Вместе с тем реальная ситуация была не столь радужной: бытовая жизнь петербургских извозчиков оставалась неустроенной. Композитор И. Стравинский (1882–1971), делясь впечатлениями своего

петербургского детства, вспоминал, что от самих дрожжек «приятно пахло дегтем, кожей и лошадыми». Однако замечал при этом, что «самый сильный запах исходил от самого возницы» и бывали случаи, когда «запахи от немывтого тела проникали сквозь слои одежды, такие же плотные, как у мумии и столь же редко сменявшиеся» [Стравинский: 12]. Мемуарное свидетельство подтверждает: в романе «Воскресение» Толстой не стремился нарисовать объективную и объемную картину города – он создавал исключительно «лакированный» образ имперской столицы.

В романе «Воскресение» Петербург – это благоустроенный, комфортный и чистый город без запаха и цвета. Действие разворачивается в центре столицы, где «все так чисто, удобно, благоустроено», где можно передвигаться по «чисто политической мостовой». Историки города пишут: «Столица выделялась на фоне всей России благоустроенностью улиц и площадей. Расходы из городского бюджета по этой статье в приведении к версте улиц были в 2, 4 раза больше, чем в Одессе, и в 2, 8 раза больше, чем в Москве. Все улицы были замощены» [Засосов, Пызин: 272]. Еще в 1830-е гг. в центре Петербурга появились торцевые мостовые, которые были удобны как для пешеходов, так и для лошадей. Эти мостовые «избавили улицы от пыли и шума, но требовали частой починки и были дорогими» [Быт пушкинского Петербурга: 65]. Торцы, т. е. распиленные на шестигранные шашки бревна, устанавливали на настил, засыпали песком, заливали горячим дегтем и затем вновь засыпали песком. В сухую погоду центральные улицы города поливали из шлангов (они использовались только в этой части столицы, потому что стоили дорого). Из шлангов «производилась поливка и промывка деревянных торцовых мостовых, их следовало содержать в особой чистоте, так как иначе они издавали неприятный запах» [Юхнёва: 244].

Казалось бы, у романиста были все фактические основания для изображения города как чистого и благоустроенного, тем не менее, он прибегает к гиперболе и рисует Петербург как исключительно чистый, исключительно комфортный город. Обратим внимание на повторы в описаниях: «*Прекрасный*, чистый, учтивый извозчик повез его мимо *прекрасных*, учтивых, чистых городских, по *прекрасной*, чисто политой мостовой, мимо *прекрасных*, чистых домов к тому дому на канаве, в котором жила Mariette» (курсив мой. – Н. М.) [Толстой 32: 254]. Повторы определения «прекрасный» (и его вариантов) задают возможность для деления этого предложения на четыре стиха, а также для формирования анафорического ритма, осуществляющегося уже независимо от содержания и идущего вразрез с ним, а тем самым изнутри подрывающего его. Кроме того, в этом описании стирается грань между одушевленным и неоду-

шевленным, миром человеческим и предметным: в синонимический ряд встают извозчик, городские, мостовые и дома. В петербургских страницах романа подобные описания частотны: «Опять, как в Сенате, он нашел в великолепном помещении великолепных чиновников, чистых, учтивых, корректных от одежды до разговоров, отчетливых и строгих» [Толстой 32: 264]; «Швейцар в необыкновенно чистом мундире», лакей «в еще более чистой ливрее с галунами ... с великолепно расчесанными бакенбардами» [Толстой 32: 254], и т. д.

Обобщая примеры, относящиеся к петербургскому дискурсу в романе «Воскресение», укажем на еще один парадокс. Он состоит в том, что подчеркнутая субъективность и даже тенденциозность автора – есть следствие стремления романиста воссоздать жизнь столицы в ее глубинной сущности: «живая жизнь», как представляется Толстому, выхолащивается вследствие разрыва с жизнью многомиллионного народа. Читатель не может не солидаризироваться с автором: в его восприятии еще «не остыли» деревенские картины (перед Петербургом Нехлюдов побывал в своем имении). Подчеркнуто субъективное авторское освещение петербургской жизни парадоксальным образом становится залогом изображения объективной картины.

В романе «Воскресение» это обусловлено тем, что автор, описывающий и оценивающий процессы современной жизни с позиций сущего и «должного», опирается на народный «взгляд на вещи». Это специфическая особенность творчества позднего Толстого.

«Кризис мировоззрения» Толстого в 1880-е годы, по мысли М.М. Бахтина, «привел прежде всего к кризису эпического авторского слова»: «слово утратило свою уверенность, <...> изображение лишилось точки опоры в приятии изображаемого мира» (курсив мой. – Н. М.) [Бахтин: 211, 210]. Однако в это же десятилетие шла напряженная работа Толстого, позволившая ему вернуться в 1886 г. к литературному творчеству, найти точку опоры в народной жизни и выразить свой собственный взгляд на вещи. В связи с последним заслуживает внимание одно точное суждение, принадлежащее режиссеру П.П. Гайдебурову, несколько раз, в разные десятилетия своей жизни, поставившего на театральной сцене «Власть тьмы» (1886). Он совершенно справедливо заявил об отсутствии в этой толстовской пьесе сугубо публицистической позиции автора, якобы идущей вразрез с художественной природой произведения. По его мнению, необходимо «...рассматривать проповеднические идеи Толстого не как выводы, а как одно из явлений действительности, составляющих предмет сценического изображения» [Гайдебуров: 344]. Этим предметом была народная жизнь с присущей ей стройной системой духовно-нравственных представлений.

Представляется, что мысль режиссера можно экстраполировать на роман «Воскресение». Известный толстовед Я.С. Билинкис справедливо заключил о Толстом: «В повествовании своего последнего романа он внес народные представления в авторский взгляд и раскрыл в своих собственных представлениях их народную основу, слив таким образом свой и народный взгляд воедино» [Билинкис: 413]. Именно это легло в основу создания эпического мира в романе «Воскресение».

Безусловно, стремление писателя согласовать свое мировоззрение, претерпевшее существенные изменения, с народным миропониманием и обрести тем самым «точку опоры в приятии изображаемого мира» нельзя представить однозначно. Этот процесс был исполнен противоречий, авторская позиция могла и расходиться с народной. Наиболее отчетливо это выразилось в «Крейцеровой сонате» (1890), и именно тогда перед автором особенно остро встала проблема единства произведения. В начале 1890-х гг. Толстой неоднократно обращался к ней. Вот одно из его высказываний: «...цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а *единство самобытного нравственного отношения автора к предмету*» (курсив мой – Н. М.) [Толстой 30: 18–19].

В романе «Воскресение» расхождение с народным миропониманием нашло свое выражение в сцене пасхального богослужения в тюремной церкви (ч. 1, гл. XXXIX–XL). Нельзя не заметить и то, что эта сцена контрастирует со сценой Великопостной службы в «Записках из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского [Достоевский: 176–177]. Однако эта несогласованность не разрушила в «Воскресении» целостность всего произведения: в доминанте «самобытного нравственного отношения автора к предмету» оставался народный «взгляд на вещи».

Подведем итоги. Роман «Воскресение» предстает как эпический, решающим фактором этого является центральное положение основ народной жизни в ценностной системе произведения, при этом личные истории, отдельные судьбы осмыслены как включенные в общее течение жизни. Роман отличается широта изображения самых разных сторон российской жизни конца XIX в., однако важнейшая роль при воссоздании эпической картины принадлежит самому подходу автора к их освещению. Возросшая роль личного опыта автора, его личной инициативы в понимании и истолковании фактов действительности не противоречат процессу создания эпической картины мира: романист вскрывает значение конкретного факта современности, вводя народную точку зрения и опираясь на неё, соотнося его с основополагающими для человеческого бытия темами (жизни и смерти, труда), способствуя закреплению отдельных фактов (в ка-

честве показательных) в культурной памяти России. Авторская и народная точки зрения находятся, тем не менее, в неоднозначном соотношении, однако его динамику в романе еще предстоит изучить.

Список литературы

Антонов П.А. Мостовые и тротуары // Быт пушкинского Петербурга. Опыт энциклопедического словаря. Л-Я. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 416 с.

Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари, 2000. Т. 2. 800 с.

Билинкис Я.С. О творчестве Л.Н. Толстого. Л.: Советский писатель, 1959. 414 с.

Гайдебуров П.П. Литературное наследие Воспоминания. Статьи. Режиссерские экспликации. Выступления. М.: ВТО, 1977. 464 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 4. 326 с.

Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. Л.: Лениздат, 1999. 413 с.

Ломунов К.Н. Над страницами «Воскресения». М.: Современник, 1979. 381 с.

Михновец Н.Г. Учение Дарвина и его культурный феномен в осмыслении Толстого // Яснополянский сборник 2010. Тула: Изд. дом «Ясная Поляна», 2010а. С. 235–248.

Михновец Н.Г. Комментарии // Толстой Л.Н. Воскресение. СПб., Азбука-классика, 2010б. С. 578–637.

Соловьев Вл. Собр. соч.: в 10 т. СПб.: «Просвещение», 1912. Т. 3.

Стравинский И. Диалоги. Воспоминания. Размышления. Комментарии. Л.: Музыка, 1971. 414 с.

Толстая А.Л. Дочь. М.: АО «Книга и бизнес», 1992. 464 с.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 тт. М.; Л.: Худ. лит, 1928–1958.

Юхнёва Е. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М.; СПб.: Центрполиграф, 2008. 379 с.

References

Antonov P.A. *Mostovye i trotuary* [Bridge and sidewalks]. *Byt pushkinskogo Peterburga. Opyt entsiklopedicheskogo slovaria. L-Ia*. [Life of Pushkin Petersburg. The experience of the encyclopedic dictionary. L - Z]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2005, 416 p. (In Russ.)

Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii*. T. 2. [Collected works. Vol. 2]. Moscow, Rus. slovari Publ., 2000, 800 p. (In Russ.)

Bilinkis Ia.S. *O tvorchestve L.N. Tolstogo*. [On the work of L.N. Tolstoy]. Leningrad, Sovetskii pisatel Publ., 1959, 414 p. (In Russ.)

Gaideburov P.P. *Literaturnoe nasledie Vospominaniia. Stat'i. Rezhisserskie eksplikatsii. Vystupleniia*. [Literary heritage Memories. Articles. Director's explication. Performances]. Moscow, VTO Publ., 1977, 464 p. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch*. T. 4. [Complete works. Vol. 4]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, 326 p. (In Russ.)

Zasosov D.A., Pyzin V.I. *Iz zhizni Peterburga 1890–1910-kh godov. Zapiski ochevidtsev*. [From the life of St. Petersburg in the 1890s and 1910s. Eyewitness accounts]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1999, 413 p. (In Russ.)

Lomunov K.N. *Nad stranitsami «Voskreseniia»*. [Above the Resurrection Pages]. Moscow, Sovremennik Publ., 1979, 381 p. (In Russ.)

Mikhnovets N.G. *Uchenie Darvina i ego kul'turnyi fenomen v osmyslenii Tolstogo* [The doctrine of Darwin and his cultural phenomenon in understanding Tolstoy]. *Iasnopolianskii sbornik 2010* [Yasnaya Polyana Collection 2010]. Tula: Izd. dom «Iasnaya Poliana» Publ., 2010a, pp. 235–248. (In Russ.)

Mikhnovets N.G. *Kommentarii* [Comments]. Tolstoy L.N. *Voskresenie*. [Tolstoy L.N. Resurrection]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2010b, pp. 578–637. (In Russ.)

Solov'ev Vl. *Sobr. soch*. T. 3. [Collected works. Vol. 3]. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1912. (In Russ.)

Stravinskii I. *Dialogi. Vospominaniia. Razmyshleniia. Kommentarii*. [Dialogs. Memories. Reflections Comments]. Leningrad, Muzyka Publ., 1971, 414 p. (In Russ.)

Tolstaia A.L. *Doch'*. [Daughter]. Moscow, АО «Книга i biznes» Publ., 1992, 464 p. (In Russ.)

Tolstoy L.N. *Poln. sobr. soch.: v 90 tt*. [Complete works: in 90 vols]. Moscow, Khud. Lit. Publ., 1928–1958. (In Russ.)

Iukhneva E. *Peterburgskie dokhodnye doma. Ocherki iz istorii byta*. [Petersburg apartment buildings. Essays from the history of life]. Moscow, St. Petersburg, Tsentrpoligraf Publ., 2008, 379 p. (In Russ.)